

Борис Калманович и русско-венгерские отношения

Михаил Юрасов

В первой трети XII в. русско-венгерские отношения по большей части сводились к контактам между правителями Венгрии и Юго-Западной Руси. Земли, примыкавшие с востока к линии Карпатских хребтов, постепенно выходили из-под власти Киева. В рассматриваемое время здесь начинается процесс снижения политической роли Перемышля и Теробовля и возвышения Галича. Из старых княжеских центров лишь Владимиру-Волынскому удавалось сохранять своё значение, но здесь до 1134 г. княжил один из сыновей Мономаха – Андрей Добрый, тем самым эта волость оставалась под контролем Киева. Казалось бы, после смерти Василька (1124 г.) и Володаря (1125 г.)¹ Ростиславичей, каждый из которых оставил двоих сыновей, будущая Галицкая Русь была обречена повторить судьбу Полоцкой земли, где неуклонно увеличивалось число уделов и падало значение старшего из потомков Всеслава Брючиславича (ум. в 1098/1101 г.). Однако в действительности политическое развитие этого региона пошло совсем по другому «сценарию». Владимир Володаревич, первоначально владевший Звенигородом и Белзом, не сумев победить брата Ростислава в междоусобной войне 1126–1127 гг., занял после его смерти (1128 г.?)² принадлежавший ему Перемышль. Возможно, годом раньше ушёл из жизни княживший в Теробовле Ростислав (или Юрий) Василькович³. В результате этого уже к концу 1120-х гг. земли будущей Галицкой Руси могли быть поделены между Владимиром Володаревичем и Иваном Васильковичем. При этом политическая активность первого была заметно выше, чем у его двоюродного брата, поэтому именно Владимир стал единственным из князей Юго-Западной Руси, имевшим связи с венграми.

© 2013 г. М.К. Юрасов

¹ Присоединяюсь к мнению А.В. Назаренко, датирующего смерть Володаря Ростиславича 19 марта 1125 г. (см.: *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI). Под ред. А.В. Назаренко. М., 2004. С. 418–419, прим. 271).

² *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. II. Вид. 2. Львов, 1905. С. 419; *Розанов С.П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович // Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук. 1930. № 9. С. 651; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 74; *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 117; *Baumgarten N.* Généalogies et mariages occedentaux des Rurikides russes du X et XIII siècles. Roma, 1927. Tabl. III, 5; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Ч. I. М., 1953. С. 367; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси. IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 80.

³ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. М.; Л., 1963. С. 138; Т. IV. М.; Л., 1964. С. 185; *Баумгартен Н.А.* Родословные отрывки // Летопись историко-родословного общества в Москве. 1908. Вып. 4(16). М., 1908. С. 14; *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 74; Очерки истории СССР... С. 367; *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша... С. 153, 305, 419 и комм. 273; *Котляр Н.Ф.* Указ. соч. С. 80.

Большое значение для развития политических отношений между Русью и Венгрией в 1130-е гг. имела позиция польского князя Болеслава III Кривоустого (1102–1138 гг.). Участие Иштвана II (1116–1131 гг.) в междоусобице Володаревичей 1126–1127 гг. наиболее ярко проявилось в набеге венгерского войска (скорее всего, из «Русской марки») на Польшу с целью воспрепятствовать вмешательству её правителя в конфликт между наследниками Володаря Ростиславича⁴. Эта акция сделала Болеслава III потенциальным членом любой антивенгерской коалиции, тем более если она создавалась под предлогом возведения «законного» государя на венгерский престол. Аналогичное отношение к Иштвану II было и у Комнинов. В годы его правления они поддерживали притязания на верховную власть в Венгрии его дяди герцога Алмоша, скончавшегося в Византии в 1127 г. Смерть Алмоша и пребывание его сына Белы инкогнито в одном из венгерских монастырей лишили Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.) повода для вмешательства во внутренние дела Венгрии. Когда же Иштван II узнал о пребывании Белы в монастыре и вскоре после этого объявил его наследником венгерского престола, агрессивная политика Комнинов по отношению к северо-западному соседу на время лишилась серьезных оснований.

Пресечение ветви Калмана Книжника и утверждение на венгерском престоле потомков его брата герцога Алмоша дали недружественно настроенным к Арпадам соседним государям повод искать нового «законного» наследника короны св. Иштвана. Лучше всего для этого подходил Борис – непризнанный сын Калмана Книжника и его супруги королевы Евфимии (дочери Владимира Мономаха), высланной мужем из страны. Личность Бориса Калмановича окутана ореолом легенд. Несмотря на то, что о нём написано немало специальных работ⁵, далеко не все проблемы, связанные с его биографией, решены исследователями. Лишь недавно историки пришли к общему мнению относительно времени появления на свет и первых лет жизни сына Евфимии Владимировны. Ещё в 1930 г., излагая концепцию польских историков конца XIX – начала XX в. Казимежа Горского и Макса Гумпловича, С.П. Розанов писал: «В начале XII века, в 1104 году по одним сведениям, в 1112-м – по другим, венгерский король Коломан женится на русской княжне, Предславе, дочери вел. кн. Святополка, по одним сведениям, Евфимии, дочери Владимира Мономаха, – по другим»⁶. Мнение о том, что матерью Бориса Калмановича была Предслава Святополковна, разделяли историки М.-К. Энгель и И.А. Фесслер⁷. Характерно, что все попытки доказать рождение Бориса от Предславы так или иначе были связаны со стремлением подтвердить достоверность информации польской «Хроники Богухвала» о нахождении Бориса на галицком княжеском столе до его появления в Византии. У подавляющего большинства исследователей давно нет сомнений по поводу того, что зятем Святополка Изяславича был

⁴ См. об этом: *Юрасов М.К.* Мстислав Великий, Иштван II и междоусобица Володаревичей // *Российская история*. 2011. № 3. С. 112–120.

⁵ Библиографию см.: *Фонт М.* Венгерско-русские политические связи в XII веке (1118–1199 гг.) // *Центрально-европейские исследования*. Вып. 2. Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти В.П. Шушарина). М., 2004. С. 109–110, прим. 35. См. также: *Розанов С.П.* Указ. соч. С. 585.

⁶ См.: *Gorski K.* Borys. Ustęp z dziejów XII wieku // *Przewodnik naukowy i literacki*. R. IV. Lwów, 1876. S. 63–82, 148–164; *Gumplowicz M.* Borys Kołomanowic, krolewicz węgierski (odbitka z przeglądu historycznego). Warszawa, 1906; *Розанов С.П.* Указ. соч. С. 586.

⁷ *Engel J.-Ch.* Geschichte von Halitsch und Wladimir. Bd. I Wien, 1792. S. 94, 101; *Fessler I.A.* Geschichte von Ungarn. 2. Aufl. Leipzig, 1867. S. 205.

брат Калмана Книжника герцог Алмош. Однако те, кто отождествлял Бориса с ишпаном Боршем (один из героев драматических событий, разыгравшихся в Венгрии приблизительно в 1128 г.), предпочитали считать его матерью Предславу, иначе он оказывался слишком юным для самостоятельной борьбы за венгерский престол.

Если говорить в целом о том, что нам известно о первых годах жизни Бориса Калмановича, то лишь два факта не подвергаются современными исследователями сомнению – его рождение на Руси и пребывание там, по крайней мере, до 1127 г. Венгерский хроникальный свод XIV в. не упоминает имени русской жены Калмана Книжника, но свидетельствует о её высылке во время беременности на родину. В своё время Гумплович достаточно убедительно показал, что представления о «незаконнорожденности» Бориса вряд ли соответствуют действительности. Приводимые польским историком примеры свидетельствуют о том, что даже те хронисты, которые отрицательно оценивали попытки Бориса захватить венгерский престол и сочувствовали королям из ветви Алмоша, не сомневались в том, что отцом Бориса был именно Калман, а не кто-то другой⁸. Как пишет продолжатель хроники Козьмы Пражского (Каноник Вышеградский), Евфимия «вернулась к отцу и там родила сына»⁹. О том, что Борис провёл первые годы жизни на Руси, свидетельствует его имя: очевидно, только на родине матери, в княжеской среде, внука Владимира Мономаха называли в честь одного из первых русских святых княжеского происхождения. Впрочем, исследователи, считавшие Бориса внуком Святополка Изяславича, также могли бы заявить о том, что непризнанный Калманом сын получил своё имя при дворе кого-то из сыновей умершего в 1113 г. Святополка.

Скорее всего, Борис родился в 1114 г. или в конце 1113 г. Его дед Владимир Мономах не стал мстить Калману за унижение своей дочери, по крайней мере, нет никаких сведений об этом. По мнению Розанова, Евфимия Владимировна могла сама принять решение о возвращении на родину, не выдержав «свободы нравов», царившей при дворе Калмана¹⁰. Ничего не известно о том, какие планы были у Владимира Всеволодовича относительно внука. В год смерти Владимира Борису исполнилось только 11 лет, поэтому его шансы получить в управление какую-либо область были крайне невелики¹¹. «Понятно, что Борис в период своего малолетства и, несомненно, вплоть до смерти своего деда, Владимира Мономаха, т.е. до 1125 г., воспитывался при матери в Киеве, – пишет Розанов. – Проживи Мономах до 1131 г., года смерти венгерского короля Стефана и вступления на престол Белы Слепого, судьба Бориса, может быть, была бы иная»¹². На основании бытовавших в то время на Руси традиций можно согласиться с тем, что единственно возможным местом пребывания Евфимии и её малолетнего сына мог быть Киев, где находился княжеский стол её отца. Г.Ф. Корзухина предположила, что две серебряные чаши иностранного проис-

⁸ *Gumplowicz M.* Op. cit. S. 18.

⁹ *Canonici Wissegradensis continuatio Cosmae // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae* (далее – MGH SS). Т. IX. 1851. P. 138.

¹⁰ *Розанов С.П.* Указ. соч. С. 592.

¹¹ Некоторые историки, жившие в XIX в. и считавшие матерью Бориса Предславу Святополковну, выдвигали ничем не обоснованные гипотезы о том, что Борис мог проживать у своего дяди Ярослава Святополковича во Владимире-Волынском до 1117 г., а затем бежать вместе с ним к Болеславу Кривоустому. Изложение подобных версий см.: *Wertner M.* Az Árpádok családi története. Nagy-Becskerekén, 1892. 259–266.1.

¹² Там же. С. 649.

хождения, найденные в Киеве в 1876 г., принадлежали Евфимии Владимировне¹³, однако никаких конкретных свидетельств о том, что местом изготовления этих чаш была Венгрия, у нас нет. Что же касается мыслей Розанова о том, будто Владимир Всеволодович мог помочь Борису захватить принадлежавший ему «по закону» венгерский трон, то вряд ли в тогдашних тяжёлых внешних условиях и реалиях фактического распада страны на отдельные княжества у Мономаха были военные силы и средства для организации похода за Карпаты.

Гумплович в поисках фактов, связанных с пребыванием Бориса на Руси в первые годы жизни, пытался привлечь информацию «Хроники Богухвала»¹⁴ о том, что в раннем возрасте Борис якобы занимал галицкий княжеский стол, хотя на самом деле Борис в этом источнике не упоминается. Составитель этой хроники, считающейся одним из вариантов Великопольской хроники, называет «первого галицкого князя венгерского происхождения» не Борисом, а Коломаном¹⁵. Тем не менее некоторые историки XVIII–XIX вв. воспринимали эту версию вполне серьёзно¹⁶. О галичском княжении Бориса, которого будто бы короновали Иштван II и Болеслав III, писал в своё время К. Горский¹⁷. Энгель считал, что Иштван II дал Звенигород Владимиру Володаревичу, Перемышль взял себе, а из оставшейся части червенских городов создал Галицкое княжество, которое отдал Борису как своему сводному брату¹⁸. Однако все утверждения подобного рода основаны на приписывании польским хронистом Борису Калмановичу деяний венгерского принца Калмана, посаженного его отцом Андрашем II (1205–1235 гг.) на галицкий стол в период междоусобиц, вызванных смертью Романа Мстиславича (1205 г.), и не находят даже косвенных подтверждений в более достоверных источниках. На невозможность княжения Бориса где бы то ни было до 1128 г., когда ему пошел 15-й год, указал Розанов, добавив, что к тому времени «в Галичской земле, можно сказать, уже царил энергичный, воинственный и властолюбивый Владимирко Володаревич, не считавшийся ни с кем и ни с чем, что не соответствовало его личным взглядам. С 1126 г., года смерти его старшего брата Ростислава, он поставил своей задачей объединить в своих руках всю Галицкую землю»¹⁹.

Отсутствие в Венгрии интереса к сыну Калмана Книжника от русской княжны в годы правления Иштвана II Розанов объясняет следующим образом: «Если в этот период при венгерском дворе вообще не было речи о Борисе, то это вполне понятно не только потому, что Борис был ещё ребёнком и рос в далёкой Руси, но и потому, что в это время в Венгрии всё шло своим чередом, так как по смерти Коломана его место занял законный его наследник, старший сын Стефан»²⁰. Однако политическая ситуация в Венгрии способствовала тому, что

¹³ Корзухина Г.Ф. Русские клады. М.; Л., 1954. С. 117. См. также: Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 198.

¹⁴ Kronika Boguchwala // Monumenta Poloniae Historica (далее – MPH). Т. II. Lwów, 1872. P. 515–517.

¹⁵ Kronika Wielkopolska // Monumenta Poloniae Historica. Nova Series. Т. VIII. Warszawa, 1970. P. 39. В русском переводе: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 95.

¹⁶ Подробнее см.: Wertner M. Op. cit. 264, 266.1. et al.

¹⁷ Gorski K. Op. cit. S. 64.

¹⁸ Engel J.-Ch. Op. cit. S. 92.

¹⁹ Розанов С.П. Указ. соч. С. 651.

²⁰ Там же. С. 593. Впрочем, королевская власть в Венгрии на всем протяжении Средневековья оставалась выборной, и после смерти короля переход трона к его старшему сыну не был гарантирован, что вызывало регулярную борьбу за корону св. Иштвана как до, так и после Бориса Калмановича.

верхушка господствующего класса оставалась расколотой как минимум на две группы, условно называемые венгерскими исследователями «партиями» Калмана и Алмоша. Бездетность Иштвана II должна была рано или поздно привести к столкновению между противоборствующими сторонами при решении проблемы престолонаследия.

Описание драматических событий борьбы за власть в Венгрии в последние годы правления Иштвана II содержится в главе 158 Венской и Иллюстрированной хроник, представляющих собой наиболее полный вариант Композиции венгерских хроник (Венгерского хроникального свода) XIV в. При этом хронист сначала повествует об «обнаружении» Иштваном II своего племянника Бёлы, тайно проживавшего в Печварадском монастыре, а затем возвращается в более раннее время, чтобы подчеркнуть общегосударственную важность обретения смертельно больным королём законного наследника венгерского престола. Данный сюжет представляет интерес, поскольку в историографии были попытки связать его с началом политической деятельности Бориса Калмановича. Вот как об этом говорится в Венгерском хроникальном своде: «Прежде чем король узнал о Бёле, королевство дало клятву, что после короля будет править сын его сестры Софии Саул. Случилось же так, что король тяжело заболел в Эгере, так, что все видели его [скорую] смерть. Ишпан же Борш и Иван, движимые пустыми надеждами, были избраны в короли изменниками. Однако, поскольку по воле Божией король поправился, он отрубил Ивану голову, а ишпана Борша с позором изгнал в Грецию, и было постановлено так, что никто из его потомков не будет достойным приходить к королевскому двору»²¹.

Среди перечисленных здесь претендентов на венгерскую корону имя «Борш» *теоретически* вполне могло быть венгерской транскрипцией имени «Борис», поскольку, как видно из оригинального текста хроники, латинская форма написания имени ишпана была *Bors*. Однако венгерская средневековая хронистика знала непризнанного Калманом сына под именами *Borich* или *Borith*²², в которых исследователи видят латинскую транскрипцию славянско-го *Борич*, т.е. искажённую форму имени Бориса²³. Само по себе имя «Борш» является древним венгерским заимствованием из какого-то тюркского языка. В современном венгерском языке *bors* означает «чёрный перец». Розанов уже обратил внимание на то, что ишпан Борш был не единственным персонажем венгерской средневековой истории с таким именем²⁴.

Первыми об отождествлении ишпана Борша с Борисом Калмановичем заявили ещё в конце XIX в. российский византинист В.Г. Васильевский, обративший внимание на то, что ишпан Борш действовал как раз накануне появления Бориса в Византии²⁵, и венгерский историк русинского происхождения Антал

²¹ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpétery (далее – SRH). Vol. I. Budapestini, 1937. P. 444.*

²² Сводку упоминаний «Борича» в Венгерском хроникальном своде XIV в. см.: *Ibid.* P. 513.

²³ *Фонт М.* Указ. соч. С. 90.

²⁴ *Розанов С.П.* Указ. соч. С. 650. К приведённым исследователем примерам упоминания вождя, двух «комесов» и одного воина по имени Борш следует добавить, что самый первый из них – вождь (*dux*) Борш или Боршу, по свидетельству рыцарского романа Венгерского Анонима, был основателем крепости Боршод, ставшей впоследствии центром одноимённого замкового округа (*P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum, cap. 18 // SRH. Vol. I. P. 58*).

²⁵ *Васильевский В.Г.* Труды. Т. IV. Л., 1930. С. 82 (Представленная здесь работа «Из истории Византии в XII веке» впервые была опубликована в 1877 г. (Славянский сборник. Т. II. Приложение. СПб., 1877. С. 265–277).

Ходинка, ограничившийся указанием на созвучие имён и юношеский возраст Бориса в это время, достаточный для начала борьбы за власть²⁶. Точку зрения Ходинки развил австрийский исследователь Раймунд Кербл, обративший внимание на то, что Борш, в отличие от Ивана, отделался лишь изгнанием. По мнению Кербла, это свидетельствует о принадлежности Борша к одной из ветвей рода Арпадов²⁷. Дюла Кришто, автор главы академической «Истории Венгрии», посвящённой периоду раннего феодализма, видит подтверждение этой версии в характере взаимоотношений, сложившихся в то время между Венгрией и Византией. По мнению Кришто, смерть в 1127 г. герцога Алмоща, которого Византия поддерживала в его борьбе с Калманом Книжником, открывала для Бориса возможность занять место «законного» претендента на венгерский престол. В связи с этим Кришто датирует 1128 г. появление Бориса при дворе Иоанна II Комнина. Однако тяжёлое внутри- и внешнеполитическое положение Византии не позволило василевсу оказать какую-либо конкретную помощь Борису в 1129–1130 гг. Кришто полагает, что Борш «пришёл в Венгрию с русской помощью», поскольку «на русского помощника может указывать имя Ивана, товарища комеса Борша»²⁸. Рассуждения венгерского историка не могут быть приняты, поскольку они опираются лишь на имя исторического лица, которое понимается исследователем как своеобразный символ русского народа. Однако это имя, как известно, отнюдь не является русским по происхождению, хотя и было достаточно распространённым на Руси в домонгольский период. К тому же, в Венгрии были свои русины, из которых также мог происходить антикороль Иван.

Гипотезу об отождествлении Борша и Бориса оспорил достаточно убедительным контраргументом Ференц Макк. Если бы Борш действительно принадлежал к роду Арпадов, хронист никогда не употребил бы по отношению к нему слово *comes*, тем более что фактически это был в то время не титул (граф), а название должности (подобно шерифу в средневековой Англии), поэтому в русском переводе употреблено слово *ишпан*²⁹. Этот довод представляется вполне убедительным. Мысль о назначении непризнанного сына Калмана Книжника на должность правителя королевского замкового округа не находит объективных объяснений и выбивается из общего контекста взаимоотношений между Киевом и Фехерваром при Мстиславе Великом³⁰. Вряд ли Борис, воспитывавшийся на Руси и, несомненно, убеждённый в том, что в его жилах течёт кровь Рюриковичей и Арпадов, мог согласиться стать королевским чиновником, управлявшим одним из семидесяти замковых округов, на которые делилась тогдашняя Венгрия. Это было бы равносильно признанию Борисом того, что он не принадлежит к роду Арпадов: претендент на королевскую власть не имел права соглашаться на занятие должности ишпана, не достойной представителя правящей династии.

²⁶ *Hodinka A. Kálmánfi (Kolomanovics) Boris // Történelmi tár. Budapest, 1889.421–439.1.*

²⁷ *Kerbl R. Byzantinischen Prinzessinnen in Ungarn zwischen 1050–1200 und ihr Einfluss auf das Arpadenkönigreich. Wien, 1979. S. 64–66.*

²⁸ *Kristó G. A korai feudalizmus (1116–1241) // Magyar történet tíz kötetben. I. k. 2. kiad. Budapest, 1987. 1184–1187.1.*

²⁹ *Makk F. Borisz, egy XII. századi trónkövetelő // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Antiqua et Archaeologica. Supplementum. Szeged, 6 (1972). 61.1., 6. jegyz.*

³⁰ Подробнее см.: *Юрасов М.К. Мстислав Великий...*

Перу Макка принадлежит также подробное исследование политической ситуации, сложившейся при дворе Иштвана II в последние годы его правления, после возвращения из польского похода 1127 г.³¹ Историк детально прослеживает противоборство «партии Калмана», которую естественным образом возглавлял король, и «партии Алмоша». Обе этих политических группировки боролись друг с другом за фактическую власть путём выдвижения различных кандидатов на престол ввиду бездетности тяжело больного короля. Характеризуя обстановку при дворе Иштвана II в 1127–1130 гг., Макк пишет: «Тот факт, что после смерти Алмоша наряду с герцогом Белой и официальным кандидатом партии Калмана, Саулом, на сцене оказались и другие претенденты на престол, показывает: в это время поляризация и раздробленность правящего класса достигли доселе невиданных размеров. Однако крах попыток Ивана и Борша высветил то, что выделением антикоролей, их сторонников и части близких к ним партия Калмана была ослаблена значительно больше, чем их противники. В то же самое время грубое устранение заговорщиков выражало не только то, что Иштван II и его сторонники судорожно цеплялись за власть, но и то, что они не склонны были помогать никому, кроме своего кандидата Саула»³². Впрочем, отсутствие Бориса среди предложенных знатью претендентов на престол могло объясняться его отсутствием в Венгрии и слишком юным возрастом. Ситуация, сложившаяся в то время при венгерском дворе, требовала немедленного решения. Поскольку Борис, по всей видимости, находился в то время в Византии, у «партии Калмана» не было возможности выдвинуть его своим кандидатом на престол, и она остановила свой выбор на Сауле.

Таким образом, ишпан Борш, если бы под его именем скрывался Борис Калманович, был бы наиболее предпочтительным кандидатом на престол от «партии Калмана». Недаром эта политическая группировка выдвинула Саула, который оказался хотя бы по женской линии родственником Арпадов. Следовательно, нет серьёзных оснований для отождествления Борша с Борисом. Сохранение жизни этому антикоролю, возможно, было связано с какими-то исключительными заслугами, отмеченными государем. Бегство же Борша в Византию, на что обращают внимание сторонники его отождествления с Борисом, ничего не доказывает, поскольку Комнины проводили в это время последовательную антивенгерскую политику³³.

Молчание русских летописей о Борисе Калмановиче, скорее всего, можно объяснить тем, что на Руси он так и не нашёл поддержки своим планам утверждения на венгерском престоле. Немногого ему удалось добиться и в Византии, хотя, как представляется, вначале он встретил здесь сочувствие своим намерениям. Как и когда Борис попал в Константинополь, точно установить невозможно. Автором самого раннего известия о его пребывании при дворе Комнинов является немецкий хронист – фрейзингенский епископ Оттон, занимавший кафедру в 1138–1158 гг. В главе 21 книги VII его хроники содержится недатированное припоминание о событиях, происшедших ещё при Иштване II: «Паннония незадолго до того времени, когда умер её король Стефан, сын Коломана, который и сам был тогда жив, имела с императором греков длительную распрю, будучи таким образом сдавленная многими неприятностями. Ведь

³¹ *Makk F. Megjegyzések II. Béla történetéhez // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica. T. IXL. Szeged, 1972. 31–49.1.*

³² *Ibid.* 38.1.

³³ *Ibid.*

когда сын Алмоша Бела, некогда лишённый зрения Коломаном одновременно с отцом Алмошем, стал наследником в государстве, Борис, который, как говорили, также был сыном Коломана, но рождённым другой, чем у Стефана, матерью, которая была дочерью правителя рутенов или Киева, покинул своё отечество. Придя же в Грецию, он связал себя родством с императором Калоианном»³⁴.

Появление Бориса Калмановича в Византии датируется подавляющим большинством исследователей примерно 1128–1129 гг. В этом случае, естественно, полностью исключается, что он мог, находясь на территории враждебного Венгрии государства, с которым к тому же в тот период велась война, получить должность правителя венгерского королевского замкового округа. Существует ещё точка зрения, что Борис появился в Византии лишь в 1131 г. В своё время Ходинка пытался обосновать это мнение, опираясь на сопоставление данных хроник Иоанна Киннама, Оттона Фрейзингенского и Альбрика из монастыря Трёх Источников (Труафонтен)³⁵. Однако ни один из названных источников не приводит точной даты приезда Бориса в Константинополь, а говорит о нём под другим годом, давая краткую справку о его родителях и о том, что он когда-то приехал из Руси в Византию. Оттон Фрейзингенский делает это в главе 21 книги VII, рассказывая о событиях, происходивших в Венгрии вскоре после смерти Иштвана II³⁶, Альбрик пишет о том же под 1135 г., заимствуя информацию у Оттона³⁷, а Киннам «припоминает» о причинах появления Бориса при дворе Комнинов, описывая войну Мануила I с Гезой II 1151 г.³⁸ Поддерживая точку зрения Ходинки, Макк утверждает, что «Борис только после вступления на престол Белы II, а значит, самое раннее – весной 1131 г., бежал в Византию»³⁹. Но Оттон Фрейзингенский в приведённой выше цитате пишет, что Борис появился в Византии не после вступления Белы II на престол, а после объявления Белы наследником престола. Следовательно, нельзя утверждать, что внук Владимира Мономаха не мог попасть в Константинополь ранее 1131 г.

Пытаясь подкрепить свою версию анализом внешних и внутренних условий, сложившихся в Византии во время перехода власти в Венгрии от Иштвана II к Беле II, Макк утверждал в одной из своих ранних работ, что «для Византии было бы чрезвычайно неразумным в то время – в 1131–1132 гг. – начинать враждебную акцию против Венгрии, когда, с одной стороны, в самой Византии вспыхнули междоусобицы, борьба партий, в ходе которой трон императора Иоанна многократно подвергался опасности⁴⁰, а с другой стороны, на двух самых опасных участках имперских границ – в Малой Азии и на Адриатическом море – соответственно, вследствие экспансии сельджуков и норманнов, сложилось очень опасное положение»⁴¹. В своей докторской диссертации венгерский

³⁴ *Otonis episcopi Frisingensis. Chronica sive Historia de duabus civitatibus*. Hannover, 1912 (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separate editi. [T. 45]). P. 342.

³⁵ *Hodinka A. Kálmánfi (Kolománovics) Boris*. 425.1.

³⁶ *Otonis episcopi Frisingensis. Chronica...* P. 342.

³⁷ *Albrici monachi Trium Fontium Chronica* // MGH SS. T. 23, 1874. P. 831.

³⁸ *Бубиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. Тексты, перевод, комментарий. М., 1997. С. 52, 63.

³⁹ *Makk F. Megjegyzések II. Béla történetéhez*. 41.1. es 71. jegyz.

⁴⁰ Историк напоминает, что «брат императора, севастократор Исаакий Комнин, как раз в 1130–1132 гг. предпринял много попыток для того, чтобы самому сесть на византийский трон» (*Makk F. Megjegyzések II. Béla történetéhez*. 41.1. es 71. jegyz.).

⁴¹ *Ibid.* 41.1.

исследователь датировал переезд Бориса из Руси в Византию временем «около 1130 г.»⁴², что означало отказ от принципиального утверждения о появлении Бориса при дворе Комнинов лишь после смерти Иштвана II.

Само решение отправиться в Византию, скорее всего, было принято Борисом под влиянием его окружения, поддерживавшего связь с той частью венгерской знати, которая сочувствовала внуку Владимира Мономаха. «Партия Калмана» в конце 1120-х гг. испытывала страх за своё политическое будущее по причине бездетности Иштвана II. Внутри этой придворной группировки, несомненно, были люди, предпочитавшие Бориса, законность появления на свет которого никто не оспаривал, более дальнему родственнику Калмана Саулу. При Беле II сторонники Бориса уже создали собственную «партию», подвергнувшись суровым репрессиям, инициатором которых стала королева Илона. Несомненно, что ближайшее окружение юного Бориса, надеявшееся занять ведущие государственные посты в случае прихода его к власти в Венгрии, пристально следило за тем, как идёт борьба между сторонниками Иштвана II и Алмоша, и сразу же оценило последствия смерти Алмоша (1127 г.) с точки зрения политического будущего Бориса Калмановича. К тому же как раз в это время василевсу Иоанну II (1118–1143 гг.) удалось переломить в свою пользу ситуацию в войне с Иштваном II и нанести в 1128 г. сокрушительное поражение венгерскому войску у Харама. При этом не только погиб цвет военного руководства Венгрии, но и в руки императора перешла область Срем (*венг.* Серемшег)⁴³. На Руси 1128 г. был отмечен очередной войной с половцами, в которой отказались участвовать полоцкие князья, вступившие в союз с ханом Боняком. Карой за неповиновение киевскому князю стала высылка Давыда Всеславича и его братьев с жёнами и детьми в Византию в 1129 г.⁴⁴ Весьма вероятным представляется предположение В.Т. Пауто о том, что Борис Калманович оказался в Константинополе «вместе с караваном, везшим полоцких князей»⁴⁵.

Женитьба Бориса на родственнице Иоанна II Комнина, о которой сообщают хроники Оттона Фрейзингенского и Иоанна Киннама⁴⁶, означала, что, не получив поддержки своим планам у русских князей, Борис сделал ставку на Византию. Поскольку между Мстиславом Великим и Комнинами на рубеже 1120–1130-х гг. сохранялись союзнические отношения⁴⁷, вряд ли киевский князь стал бы противиться отъезду племянника в Константинополь. Более того, это в значительной степени снимало с Мстислава ответственность за его судьбу. Как отмечает Розанов, у Мстислава Великого были родственники в Византии. В частности, Ипатьевская летопись под 6630 (1122) г. упоминает о выдаче дочери Мстислава замуж за одного из царевичей из рода Комнинов⁴⁸. Впрочем, вряд ли она могла влиять на политику василевса.

Если о времени появления Бориса Калмановича в Византии исследователи спорят, то по поводу того, когда он покинул двор Иоанна II Комнина и отправился искать военную помощь в Польше, у них нет разногласий: это произошло в 1131 г. Прямых сведений на этот счёт в источниках нет, но, поскольку во-

⁴² Makk F. Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. Szeged, 1996. 174.1.

⁴³ Magyarország történeti kronológiája. Főszerk. Benda K. I. A kezdetektől 1526-ig. 3. kiad. Budapest, 1986. 104. 1.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 290–291, 293.

⁴⁵ Пауто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 167–168.

⁴⁶ *Otonis episcopi Frisingensis. Chronica...* P. 342; Бибииков М.В. Указ. соч. С. 63.

⁴⁷ Пауто В.Т. Указ. соч. С. 187.

⁴⁸ Розанов С.П. Указ. соч. 652; ПСРЛ. Т. II. Стб. 6. 286.

енное столкновение между сторонниками Бориса и Белы II датируется июлем 1132 г., вряд ли Борис мог за полгода переехать из Византии в Польшу, собрать значительное количество воинов на Руси и, дождавшись сбора польского войска, отправиться в поход с армией Болеслава III на Венгрию. Также маловероятно и то, что деятельность Бориса по поиску военных сил для борьбы за трон началась в 1130 г., поскольку очередное обострение династического кризиса в роде Арпадов произошло именно в 1131 г., когда умер Иштван II. Хотя венгерские хроники описывают смену высшей власти в Венгрии в то время обычной формулировкой (Иштван II «умер в году Господа 1131-м. После него правил Бела Слепой»⁴⁹), приход к власти сына Алмоша знаменовал собой новый этап противостояния придворных партий.

Воссоздавая картину перехода власти от ветви Калмана к ветви Алмоша, Макк обратил внимание на то, что между кончиной Иштвана II и коронацией Белы II прошло намного больше времени, чем обычно. «Согласно утверждению исследователей⁵⁰, – пишет он, – Иштван II умер 1 марта 1131 г., а Бела Слепой был коронован 28 апреля 1131 г. Относительно долгий – около двух месяцев – интервал между правлением двух королей сразу же бросается в глаза. Это будет ещё более заметно, если мы примем во внимание, что умершего 3 февраля 1116 г. Калмана Иштван II сменил на троне в феврале 1116 г., а умершего 13 февраля 1141 г. Белу II его сын Геза II – 16 февраля 1141 г.⁵¹ Эти примеры показывают, что заинтересованные группы знати в случае выбора короля обычно не тратили времени, а в течение нескольких дней короновали своего кандидата»⁵². Таким образом, хронисты по каким-то причинам сочли необходимым умолчать о полемике, развернувшейся среди высшей знати Венгрии по вопросу о том, насколько было правильным решение Иштвана II объявить своим наследником слепого двоюродного брата. Впрочем, по мнению Макка, рассматривая проблему продолжительности междоцарствия в Венгрии в 1131 г., с большой степенью достоверности можно говорить лишь о дате коронации Белы II, поскольку 28 апреля действительно было вторником, как написано в одном из ранних вариантов Венгерского хроникального свода – кодексе Жамбоки⁵³. Что же касается даты смерти Иштвана II, то она весьма условна и никак не совпадает с расчётами хронистов, определивших продолжительность царствования Иштвана II в годах, месяцах и днях⁵⁴. Обращаясь к хронике Махмуда Терджумана⁵⁵, согласно которой верховную власть в Венгрии после смерти Иштвана II принял Саул, но и он «спустя короткое время также удалился из мира»⁵⁶, Макк делает вывод, что «Белу Слепого короновали лишь после смерти Саула. Следовательно, допустима – а с другой точки зрения, вероятно – воз-

⁴⁹ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* // SRH. Vol. I. P. 445–446.

⁵⁰ Макк ссылается здесь на работы Д. Паулера и И. Ачади (см.: *Pauler G. A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt*. I. k. Budapest, 1899. 239. 1., 476. 1. és 435. jegyz.; *Acsády L. A magyar birodalom története*. I. k. Budapest, 1903. 205.1.).

⁵¹ Ссылка на: *Szentpétery Imre. Okleveltani Naptár*. Budapest, 1912. 28.1.

⁵² *Makk F. Megjegyzések II. Béla történetéhez...* 38.1.

⁵³ SRH. I. P. 446.

⁵⁴ Подробнее об этом см.: *Makk F. Megjegyzések II. Béla történetéhez...* 38–39.1.

⁵⁵ *Ibid.* 39. 1. Тарих-и Энгюрюс. Маджар Тарихи (т.е. «История венгров. Венгерская история») является переводом на турецкий язык одного из не дошедших до нас ранних венгерских хроникальных сводов. Это название двух различных текстов хроники, первый вариант которой был составлен в XVI в. Она издана в переводе на венгерский язык. См.: *A magyarok története. Tarih-i Üngürüz. Madzsar Tarihi. Ford. Blaskovics József*. Budapest, 1982.

⁵⁶ *Ibid.* 250.1.

возможность, что вопрос обладания властью в 1131 г. был решён не благодаря милости вождей противоположных лагерей и их сторонников, а в результате столкновения противоборствующих сил»⁵⁷.

Безусловно, приход к власти Белы II означал для «партии Калмана» потерю первых позиций в государстве. Однако она всё ещё оставалась серьёзной политической силой при королевском дворе и, разумеется, не намерена была мириться с уготованной ей ролью «статистов», ведомых одержавшими верх оппонентами. Правда, как справедливо отметил Макк, не все представители «партии Калмана» сохранили прежнюю политическую ориентацию. Как всегда бывает в подобных случаях, наиболее прагматичная часть этой группировки перешла на сторону победителей⁵⁸.

В сложившейся после коронации Белы II обстановке при его дворе у «партии Калмана» осталась лишь одна возможность вернуть былую власть – помочь Борису овладеть венгерским престолом. Однако для этого необходимо было, прежде всего, единство в рядах бывших соратников Иштвана II. Последующие события ярко продемонстрировали, что эта группа знати отнюдь не отличалась монолитностью. К несчастью для «партии Калмана» жена Белы II Елена (Илона) Урошевна оказалась энергичным и дальновидным политиком. Фактически она стала полноправной соправительницей своего мужа. Особенно ярко это проявилось на созванном в 1132 г. в Араде государственном собрании, ставшим одним из самых драматичных в венгерской истории⁵⁹, когда королева спровоцировала избиение магнатов, по совету которых в 1115 г. был ослеплён её муж. Так «партии Калмана» был нанесён первый мощный удар, жертвами которого стали наиболее знатные представители этой политической группировки, некогда ближайшие соратники Калмана Книжника. Это во многом предопределило крах попытки Бориса захватить венгерский трон в 1132 г. «Партия» Алмоша закрепила за собой стратегическую инициативу и вскоре постаралась использовать своё лидирующее положение для нанесения нового удара по противнику.

В новых условиях у оставшихся в живых оппозиционеров была лишь одна альтернатива: либо «раствориться» в рядах своих противников, где они вряд ли могли рассчитывать на близость к трону, либо сделать всё возможное для возведения на престол Бориса Калмановича. Макк так характеризует общую ситуацию внутри этой группы знати: «По отношению к военной акции Бориса тогдашняя партия Калмана не имела единой позиции. Несомненно, что в полной мере Бориса поддерживали те представители партии Калмана, которые призвали его в страну, потом они в большом количестве присоединились к войску претендента на престол. Это те, кто могли быть тогда самыми последовательными представителями политической линии Калмана и Иштвана II»⁶⁰. Судя по характеру повествования Венгерского хроникального свода, сразу же после «арадской кровавой бани» противники короля сделали ставку на Бориса. Последний как раз в это время, перебравшись из Византии в Польшу, начинает военные приготовления к походу в Венгрию, о чем, несомненно, было хоро-

⁵⁷ Makk F. Megjegyzések II. Béla történetéhez... 39.1.

⁵⁸ Ibid. 42–43.1.

⁵⁹ В 1912 г. на страницах венгерского исторического журнала «Századok» [«Столетия»] прошла специальная дискуссия, в ходе которой были высказаны основные точки зрения по различным аспектам изучения «кровавого» Арадского собрания. См.: *Angyal D., Domanovszky S., Erdélyi L., Karácsonyi J., Márki S.* Az aradi «véres» országgyűlés // Századok. 1912. 773–782.1.

⁶⁰ Makk R. Megjegyzések II. Béla történetéhez... 42.1.

шо известно не только его венгерским сторонникам. Глава 161 «Композиции венгерских хроник XIV в.» сообщает по этому поводу следующее: «Так как венгры всегда в преступном волнении как соленое море, то сыновья Левиафана обратились через вестников к прелюбодейному Боричу, чтобы он пришёл и с их помощью отстоял себе королевство. При этом они думали, что он сын короля Калмана»⁶¹. Цитированный отрывок имеется лишь в списках семейства Венской или Иллюстрированной хроники. В более раннем кодексе Жамбоки и близких к нему рукописях после рассказа об арадском собрании сразу же следует итоговая фраза о правлении Белы II, в которой сообщается о продолжительности его пребывания на престоле⁶².

Видимо, Борису удалось достаточно быстро собрать войско. «Обратившись к помощи русских и поляков, Борич прибыл к границе Венгрии к ровному месту, которое называется Шайо, – сообщает летописец сразу после изложения версии о его незаконнорожденности. – Собрав войско, король шёл ему навстречу»⁶³. Река Шайо берёт своё начало в гористом комитате Гёмёр и впадает в Тису в равнинной местности соседнего комитата Боршод. Как видно из цитированного отрывка, битва между армиями Белы II и Бориса произошла на землях Боршода, скорее всего, на знаменитом Мухском поле, где в 1241 г. потерпело поражение венгерское войско короля Белы IV, выступившее против орд Бату-хана. Хронист не совсем точен, поскольку к 1132 г. эта местность уже не была приграничной, снаружи её прикрывал ряд комитатов, непосредственно примыкавших к польской и русской границе. Географическое расположение Боршода наталкивает на мысль о том, что русские и польские отряды прибыли на битву с Белой II порознь: русские – через Верецкий перевал, а поляки – прямым путём через область Спиш (*венг.* Сепеш).

Ситуация в Венгрии в момент военного столкновения между Белой II и Борисом была весьма тревожная. Все происшедшие после арадского собрания события, представлявшие собой кровавую борьбу за власть, которую продолжали между собой «партии» Калмана и Алмоша, имели место, скорее всего, в конце весны – начале лета 1132 г., во время движения венгерского королевского войска к месту будущего сражения на реке Шайо. Истребление тех, кто был причастен к ослеплению Алмоша и Белы, и их ближайших соратников, побудило сторонников Бориса открыто объявить о своем политическом выборе и присоединиться к собранному претендентом на престол польско-русскому войску. Причём произошло это, судя по рассказу Венгерского хроникального свода XIV в., во время марша королевского войска на битву с Борисом: «Очень многие из знатных склонились на сторону Борича. Венгерскую знать позвали на совещание к королю. Король спросил, знают ли они, кто [такой] Борич, от прелюбодеяния он или сын короля Калмана. Верные королю люди ответили, что они твёрдо знают о происхождении Борича от прелюбодеяния и что он со-

⁶¹ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* // SRH. I. P. 447–448. Хронист явно сочувствовал партии Алмоша, и для него не было сомнений в том, что Калман не является отцом Бориса. В то же время он, скорее всего, достоверно передал рождение легенды о «незаконнорожденности» Бориса. Отсутствие такого подробного рассказа в более ранних вариантах Венгерского хроникального свода подтверждает мнение исследователей о том, что «сюжетная линия» об измене Евфимии Владимировны мужу и последствиях этой измены была вставлена позже в исторические сочинения королевства Венгрии.

⁶² *Ibid.* P. 452. В списках семейства Венской или Иллюстрированной хроники это уже глава 163.

⁶³ *Ibid.* P. 448.

всем не достоин королевской короны. Неверные и противники ворчали в своей среде неопределённое и, колеблясь, топтались между обеих сторон. Король же и его советники, насколько от них зависело, отделили козлят от ягнят и твёрдо постановили там же казнить предателей, чтобы, если это будет отложено, предатели не перешли случайно на сторону Борича и это не обратилось бы во вред государству». Далее повествуется о том, как были казнены наиболее видные из уцелевших после арадской «кровавой бани» представители оппозиции⁶⁴. Как отмечает Макк, разношёрстная «партия Калмана» пережила в 1132 г. настоящий разгром, приведший к полному разброду в её рядах. Часть её видных членов «не стояла на стороне Бориса и не колебалась между Борисом и Белой, а, повернувшись спиной к прежним соратникам..., однозначно встала на сторону Белы и хотела приятными королю поступками получить милость от нового правителя»⁶⁵.

Несмотря на проведённое в 1132 г. (до битвы с армией Бориса) двукратное истребление знати, входившей в партию Калмана, её ряды оставались ещё достаточно многочисленными. Более того, «пятая колонна» Бориса в Венгрии попыталась развязать в стране гражданскую войну, чтобы облегчить своему ставленнику захват престола. Бежавшие от жестокой расправы, учинённой над их лидерами, «предатели разошлись в разные стороны и, собрав свои силы, хотели напасть на короля. Однако верные выступили против них. Главой предателей был Тиодор из рода Симад, а также Фольк, Тит и особенно Самсон. Самсон, отец ишпанов Тамаша и Турдо, предлагал идти встретиться с королём и подвергнуть его оскорблению перед многими. Это предложение все одобрили. Соблазнённый пустой надеждой, Борич весьма его благодарил и не скрывал, что начал выполнять это, думая путём оскорбления короля получить королевство». Самсону удалось проникнуть в шатёр Белы II и публично оскорбить короля. Окружение монарха вначале было шокировано выходкой Самсона, что позволило ему благополучно покинуть шатер своего правителя, но в конечном счёте зарвавшегося магната настигла погоня, и он был убит⁶⁶.

Во время грубой выходки Самсона «Борич с большим множеством русских и поляков разбил лагерь рядом с королём. Знать королевства Венгрии послала к русскому и польскому князьям, шедшим на помощь Боричу, сказать: “Не подобает вам, вопреки справедливости, требовать королевство для прелюбодейского человека. Мы знаем, что по праву власть должна быть у Белы, и он правит с согласия всей страны”. Услышав это, князья Руси и Польши отказались помогать Боричу и вернулись каждый в свою страну. Борич же с массой своих людей пошёл сразиться с королём. Полагаясь на Божий совет и помощь, король разгромил в сражении всю силу Борича и мечом обратил его в бегство. Окружив смертельным кольцом войско поляков в праздник Марии Магдалины, он получил их доспехи и вернулся с большой победой»⁶⁷. Так описывает и оценивает события, происшедшие 22 июля 1132 г., в день св. Марии Магдалины, Венгерский хроникальный свод в списках «семейства» Иллюстрированной хроники.

Поскольку активным сторонником Бориса Калмановича был польский князь Болеслав III Кривоустый, эти события должны были отразиться в сочинениях польских хронистов. Однако последние не только не сообщают ни-

⁶⁴ Ibid. P. 448–449.

⁶⁵ *Makk F. Megjegyzések II. Béla történetéhez...* 44.1.

⁶⁶ SRH. I. P. 449–451.

⁶⁷ Ibid. P. 451–452.

каких сведений относительно похода польского войска в Венгрию в 1132 г., но и вообще демонстрируют полное незнание Бориса Калмановича как исторического персонажа. В хронике Винцентия Кадлубка содержится рассказ о некоем «Паннонце», бежавшем к Болеславу III и получившем от польского князя назначение на должность префекта пограничного польского города Вислицы. Согласно хронике, «Паннонец» был послан в Польшу Владаридом (так хронист называет Владимира Володаревича), чтобы помочь покровительствовавшему ему князю захватить названную крепость⁶⁸. Хотя никаких серьезных оснований отождествлять неизвестного «паннонца» с Борисом Калмановичем у нас нет, польская исследовательница Б. Кюрбис видит в этом сюжете намёк на события 1132 г.⁶⁹ Историки совершенно справедливо не поддержали эту гипотезу. Вообще вся глава 22 книги III хроники Кадлубка имеет назидательный характер и начинается с «морали» о том, что лучше поздно познать хитрость и коварство, чем никогда⁷⁰. Повествование о коварном венгре играет здесь роль яркого примера, подтверждающего «мораль». Что же касается эпизода о сдаче Вислицы Владимиру Володаревичу, то он, по мнению исследователей, относится к более позднему времени.

Более ценной является информация, приводимая чешским источником – Каноником Вышеградским⁷¹. Правивший в это время в Чехии князь Собеслав I (1125–1140 гг.) был женат на сестре Белы II Аделаиде. Узнав о вторжении польско-русского войска Бориса в Венгрию, Собеслав 18 октября напал на принадлежавшую Польше Силезию⁷², помешав Болеславу III оказать эффективную помощь внуку Владимира Мономаха. О боевых действиях между Белой II и Борисом Калмановичем Каноник Вышеградский сообщает следующее: «Князь польский с бесчисленным войском отправился в Венгрию с намерением изгнать слепого короля, который именовался Белою, и посадить на троне, против воли венгров, сына Коломанова... Но его намерение было разрушено божественным Провидением, потому что слепой король вышел навстречу с своим войском, и Болеслав, поражённый вместе со своим страхом, обратился в бегство; венгры, преследуя его, убили многих»⁷³. Как видно, чешский хронист имел лишь самые общие сведения о событиях, происшедших в 1132 г. на р. Шайо. Указанная им дата нападения Собеслава I на Силезию – 18 октября – свидетельствует о том, что эта военная операция началась почти три месяца спустя после разгрома русско-польской армии Бориса. Васильевский и Розанов считают, что и сама битва на р. Шайо произошла в октябре⁷⁴. Однако венгерские исследователи единодушно называют датой этого сражения 22 июля 1132 г.⁷⁵, что в большей мере соответствует общей картине политической борьбы в Венгрии во время утверждения на престоле Белы II, а также подтверждается свидетельством Венгерского хроникального свода.

⁶⁸ *Magistri Vincentii. Chronicon Polonorum* // МРН. II. P. 354–356.

⁶⁹ *Mistra Wincentigo. Kronika Polska*. Warszawa, 1974. S. 161 i przyp. 128.

⁷⁰ *Щавелева Н.И.* Указ. соч. С. 102.

⁷¹ *Canonici Wissegradensis continuatio Cosmae*. См. также: *Fontes rerum Bohemicarum*. Т. II. Praha, 1874.

⁷² *Canonici Wissegradensis continuatio Cosmae*. P. 138.

⁷³ *Ibid.* Русский перевод дан по: *Васильевский В.Г.* Труды. Т. IV. С. 84.

⁷⁴ *Розанов С.П.* Указ. соч. С. 656–657.

⁷⁵ См.: *Pauler Gy.* Op. cit. 243.1.; *Hóman B.* Op. cit. I. k. 670.1.; SRH I. P. 451 (примеч. на полях); *Kristó Gy.* A korai feudalizmus. 1190.1.; и др.

Как видим, венгерские, польские и чешские известия не дают достаточной информации, чтобы определить, кто из русских князей поддерживал в рассматриваемом конфликте Бориса Калмановича. Этот вопрос уже давно поднимается отечественными исследователями. «Владимирко – то враг, то союзник венгров – участвовал также в войне Бориса... с королем Белою Слепым», – писал по этому поводу Н.М. Карамзин⁷⁶, ссылаясь на труд Дёрдя Прая «Анналы королей Венгрии»⁷⁷ и добавляя от себя: «Сия война была в первый год Ярополкова княжения, т.е. 1132. Владимирко, оставив Бориса, скоро объявил себя союзником Белы и ходил разорять Польшу с герцогом Богемским»⁷⁸. Скорее всего, под влиянием Карамзина об участии Владимира Володаревича в первом походе Бориса в Венгрию писали галицкие историки XIX в. Д. Зубрицкий и И. Шараневич⁷⁹. Однако никаких конкретных источниковых данных на этот счёт у нас нет.

«В 1132 г. фигура Владимирка на военно-политической арене была уже настолько крупной, – замечает по этому поводу Розанов, – что его участие в походах Болеслава и Бориса непременно было бы отмечено, да при участии его, вождя и несомненно не без таланта и во всяком случае уже опытного, поход Бориса не кончился бы так печально»⁸⁰. Рассуждения подобного рода являются во многом умозрительными, прежде всего, потому, что об участии Владимира Володаревича в войнах на стороне Белы II нам известно лишь из напоминания об этом галицкого князя незадолго до смерти сыну слепого короля – Гезе II. Киевская (Ипатьевская) летопись передает под 6660 г. слова Владимирка, обращенные к Гезе II: «о(те)ць твои бяше слѣпъ, а язъ о(т)цю твоему досыти послужилъ своим копиемъ и своими полкы за его обиду и с Ляхы ся есмъ за нь билъ»⁸¹. Эта фраза находится в отрывке, повествующем о событиях 1152 г., когда Владимир потерпел поражение и был окружён войсками враждебной коалиции, одним из участников которой стал венгерский король, сын Белы II. В данном случае Владимир Володаревич, скорее всего, имел в виду его походы на Польшу в 1133–1135 гг., хотя источники фиксируют лишь одну военную операцию такого рода – нападение на Вислицу в феврале 1135 г. Розанов, по моему мнению, явно преувеличивает политический вес Владимира Володаревича в 1132 г. и его способность обеспечить победу Борису в борьбе с Белой II. Мне представляется, что до 1141 г., когда Владимиру удалось объединить в одну волость всё наследие Ростиславичей, его роль в междукняжеских отношениях была достаточно скромной. Маловероятным выглядит и утверждение венгерского историка XIX в. Флориана Матяша, который считал, что Владимир «князь Галиции помогал Беле II в момент борьбы последнего с Борисом и поляками на реке Шайо»⁸². Спорным здесь является прежде всего титулование Владимира галицким князем. Кроме того, возникает закономерный вопрос: почему венгерский хронист, первым описавший битву на р. Шайо, упомянул о приходе русской дружины к Борису и ничего не сообщил об аналогичной по-

⁷⁶ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 115.

⁷⁷ Pray G. Annales regum Hungariae / Annales veteres Hunnorum, Avarum et Hungarorum ... / Opera et studio Georgii Pray ... Т. II. Wien, 1764. P. 125–127.

⁷⁸ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 299 и примеч. 271.

⁷⁹ Зубрицкий Д. История древнего Галицко-Русского княжества. Львов, 1852. С. 55; Шараневич И. История Галицко-Владимирской Руси. Львов, 1863. С. 37.

⁸⁰ Розанов С.П. Указ. соч. С. 654.

⁸¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 450.

⁸² Mátyás Florián. Chronica Hungarorum. Lipsiae, 1883. Т. II. P. 271.

мощи Беле? Скорее всего, в рядах войска последнего в 1132 г. русских воинов не было.

Таким образом, следует признать крайне маловероятным высказанное Карамзиным мнение о том, что Владимир Володаревич уже в 1132 г. проявил себя как непостоянный союзник, предавший Бориса и переметнувшийся на сторону Беле. По-видимому, автор «Истории государства Российского» исходил в данном случае из летописного образа беспринципного политика, каковым предстает Владимир в последние годы жизни. Точка зрения Карамзина не находит подтверждения и в Венгерском хроникальном своде. В нём упоминаются «польский и русский князья», которых послы Беле II убедили в том, что Борис родился от прелюбодеяния, после чего каждый из них вернулся в свою страну (правда, при этом непонятно, каких поляков войско Беле II взяло в окружение в ходе битвы с отрядами, оставшимися верными Борису). Данное место средневековых венгерских хроник представляется весьма тёмным, что позволяет выдвигать различные версии по поводу того, кто именно мог возглавлять польские и русские отряды, пришедшие с Борисом на р. Шайо. Однако хронист свидетельствует не о переходе русского князя на сторону венгерского короля, а о его возвращении на родину. Исходя из вышеизложенного, можно сделать предположение о том, что Владимир Володаревич участвовал в войнах Беле II с Борисом в 1133–1135 гг., когда последнего продолжал поддерживать Болеслав III Кривоустый.

Розанов, анализируя известия главы 161 Венгерского хроникального свода, считает, «что у хрониста не было точного представления о высшем командном составе Борисова войска, а термины *dux*, *duces* употреблены им в общем значении вождей. В действительности всего вероятнее, никаких русских князей и не было, я разумею, конечно, князей, владевших княжествами. Борис мог только собрать войско путём найма, что в то время было очень легко: в условиях постоянных войн и набегов, мешающих земледелию, и при отсутствии развитой промышленности в городах, мирная жизнь была узкая, и много было свободного и безработного народа, вынужденного продаваться любым богатым предпринимателям, а среди последних в то время главный спрос был на людей ратных»⁸³. Мысль о том, что выражение «помощь русских» может означать отдельных личностей – сторонников Бориса – более кратко сформулировал венгерский историк Балинт Хоман⁸⁴. Рассуждения Розанова представляются интересными, однако отнюдь не исключающими того, что русская рать пришла под командованием одного из князей. Между тем предположение историка о том, что венгерский хронист не имел «точного представления о высшем командном составе Борисова войска» выглядит малоубедительным. Перечисление хронистом имён наиболее яростно сражавшихся воинов Беле II и взятых ими в плен знатных сторонников Бориса убеждает в том, что автор этого отрывка, по крайней мере, был современником описываемых событий, если не их участником. Поэтому из его повествования можно с большой долей уверенности сделать вывод о том, что кто-то из русских князей всё же приходил со своей дружиной на помощь Борису Калмановичу, но, не вступая в битву, вернулся на родину, убеждённый доводами венгерской знати.

Можно с уверенностью утверждать, что Мстислав Великий не принял участия в событиях на р. Шайо. Розанов пытается объяснить отказ киевско-

⁸³ Розанов С.П. Указ. соч. С. 654.

⁸⁴ *Hóman Bálint és Szekfű Gyula. Magyar történet. 7. kiad. I. k. Bp., 1941. 367.1.*

го князя помочь племяннику Борису в 1132 г. психологическими причинами: «Как и следовало ожидать, на Руси Борис не получил нужной помощи. Имея несомненно темперамент очень живой, он не был в то же время наделён тем сильным активным характером, какой обычно импонирует людям и создаёт вокруг себя соответствующие силы. Поэтому понятно, что он не в состоянии был вызвать в умном князе Мстиславе, единственном близком к нему и в то же время сильном князе, желания затеять ненужную для Руси и в то же время ненадёжную борьбу с Венгрией»⁸⁵. Подобные рассуждения всегда выглядят неубедительно. Следует учитывать, что собрание Борисом сил для войны с Белой II началось в последние месяцы жизни Мстислава Владимировича и закончилось уже после смерти киевского князя. Вряд ли в то время Мстислав мог думать о подготовке военной операции, тем более за пределами Руси. Однако самым важным аргументом в пользу того, что Мстислав Владимирович не мог поддерживать Бориса в его притязаниях на верховную власть в Венгрии, было нахождение на венгерском престоле в то время законного государя Иштвана II, который был старшим братом Бориса.

Представляется целесообразным проанализировать в целом ситуацию в то время на Руси, где у лидера «партии Калмана» оставалось достаточно много близких родственников. Поскольку Борис был внуком Мономаха, каждый из сыновей Владимира Всеволодовича приходился ему родным дядей по матери. При этом первые 14 лет после смерти отца Мономашичи находились на самом престижном киевском княжении. Как раз в 1132 г. произошла смена князя в Киеве. 15 апреля ушёл из жизни Мстислав Великий, а уже через два дня его место занял Ярополк Владимирович (1132–1139)⁸⁶. В то время была ещё жива их сестра Евфимия, которая вполне могла помогать сыну в поисках военных сил на Руси, общаясь со своими братьями. Смена власти в Киеве в год битвы на р. Шайо не позволяет отождествить неизвестного русского князя не только с Мстиславом, но и с Ярополком Владимировичем, которому необходимо было время для того, чтобы укрепить своё положение в южной Руси. Перевод Всеволода Мстиславича из Новгорода в Переяславль на этот раз вызвал недовольство его дяди Юрия (Долгорукого), также желавшего утвердиться в Переяславле. Конфликт между Ярополком и Юрием Владимировичами из-за переяславского княжения закончился тем, что старший брат «выведе» младшего из Переяславля «хр(е)с(т)ьянаго ради целованья»⁸⁷. Таким образом, Юрия Долгорукого мы также должны исключить из списка тех, кто мог прийти на помощь Борису в 1132 г. Представляется маловероятным, чтобы в роли союзника Бориса Калмановича выступил его дядя Вячеслав Владимирович, который в то время по решению братьев сменил столы в Турове и Пинске на переяславское княжение⁸⁸.

В.А. Кучкин, полемизируя с А.В. Назаренко по вопросу о том, сколько жён было у Владимира Мономаха и каких детей родила ему каждая из них, отмечает, что между последним ребёнком, родившимся у Владимира от первой жены Гиты (скорее всего, это был Вячеслав), и первым ребёнком, рождённым его неизвестной по имени второй супругой (скорее всего, это был Юрий) прошло

⁸⁵ Розанов С.П. Указ. соч. С. 653.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 294.

⁸⁷ Там же. Т. I. Стб. 301; Т. II. Стб. 294–295.

⁸⁸ Там же. Т. I. Стб. 302. Переяславцам в 1132 г. несколько раз меняли князя. Вячеслав Владимирович так же, как и его непосредственные предшественники, ненадолго задержался в Переяславле.

15–17 лет⁸⁹. В связи с этим потомство Мономаха четко разделялось на две группы, внутри которых, естественно, были более тесные родственные связи, чем между представителями разных групп. Евфимия Владимировна была дочерью Мономаха от второго брака. Учитывая это, можно с большой долей уверенности предположить, что князя, выступившего в 1132 г. на помощь Борису Калмановичу, следует искать среди родных, а не сводных братьев его матери. Их, как считают Назаренко и Кучкин, было трое – Юрий, Роман и Андрей⁹⁰. Как указывалось выше, Юрий не мог тогда оказать помощи племяннику. Романа к тому времени уже давно не было в живых: он умер в 1119 г.⁹¹ Таким образом, наиболее вероятно, что князем, пришедшим на помощь Борису Калмановичу на р. Шайо, был Андрей Владимирович Добрый – самый младший из родных братьев Борисовой матери, находившийся с 1118 г. на волынском княжении.

Непосредственное соседство волости Андрея с Польшей и отсутствие сведений источников о том, что у этого князя были конфликты с Болеславом III, позволяют предположить, что между двумя правителями сложились добрососедские отношения. Владения Андрея находились недалеко и от границы с Венгрией, с которой у польского князя была в то время вражда, вызванная внезапным вторжением на его территорию войска венгерского короля Иштвана II в 1126 или 1127 г. Таким образом, дружины волынского князя могли появиться на р. Шайо в 1132 г. и в рамках поддержания союзнических отношений с Болеславом III. Перемены, вызванные приходом к власти в Киеве Ярополка Владимировича, не коснулись Андрея. До 1134 или 1135 г. он занимал волынский стол, не участвуя в годы киевского княжения Мстислава Великого в междукняжеских конфликтах. В отличие от Владимира Володаревича, Андрей Владимирович, скорее всего, был князем более спокойным и не склонным к организации военных авантур. Вплоть до смерти в 1139 г. Ярополка он, по свидетельству летописей, помогал старшему брату в борьбе с зачинщиками междоусобиц⁹². Однако Андрей дал отпор попыткам утвердившегося в Киеве в 1139 г. Всеволода Ольговича перевести его из Переяславля на княжение в Курск, бывший в то время центром второстепенной волости⁹³, и умер переяславским князем в 1142 г.⁹⁴

Всё это позволяет предположить, что Андрей Добрый строго придерживался норм междукняжеских отношений, разделяя сложившиеся в роде Рюриковичей представления о княжеской чести и справедливости. Поэтому вполне возможно, что представители партии Алмоша убедили его в законности избрания Белы II на престол, представив бежавшую к Борису знать изгоями, отвергнутыми венгерским обществом. Мнение о том, что в 1132 г. «в войско Болеслава III и Бориса могли прибыть отряды из Владимира-Волынского», неоднократно высказывала в своих работах М. Фонт⁹⁵. При этом исследовательница считает, что аргументом в пользу

⁸⁹ Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента РАН Л.В. Милова. М., 1999. С. 60.

⁹⁰ Назаренко А.В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 69; Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона... С. 56.

⁹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 285.

⁹² Там же. Т. I. Стб. 303–306; Т. II. Стб. 295, 297, 298.

⁹³ Там же. Т. I. Стб. 307; Т. II. Стб. 305.

⁹⁴ Там же. Т. I. Стб. 309; Т. II. Стб. 309. О датировке события см.: Березков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 139.

⁹⁵ Font V. A XII. századi orosz-magyar kapcsolatok kérdéséhez. Kéziratok bölcsészdocteri

этой точки зрения является также и «политическая практика Галича, которая учитывала оппозицию Киева и Волыни»⁹⁶. Таким образом, Фонт видит в событиях, связанных с попытками возведения на венгерский престол Бориса Калмановича, в том числе и отражение междукняжеской борьбы за юго-западную Русь, шедшей в первой половине XII в. между Мономашичами и потомками Ростислава Владимировича. Единственным недостатком этой версии является преувеличение роли Галича, который в 1132 г. ещё не был крупным княжеским центром. Макк уверенно пишет о том, что «у Бориса была русская помощь в лице волынского князя Андрея, который отчасти из-за наличия родственных связей, а отчасти из-за того дал герцогу вспомогательные отряды, что с 1123 г. отношения между Волынью и Венгрией были враждебными»⁹⁷.

А.Б. Головки, вопреки господствующей в историографии точке зрения, утверждает, что союзником Бориса в его борьбе с Белой II был перемышльский князь Ростислав, поскольку враждебный ему Владимирко поддерживал венгерского короля. При этом украинский историк приписывает все известия хроники Винцентия Кадлубка, в которых упоминается «Владарид» отцу Владимирка Володарю Ростиславичу, считая, что польский хронист перепутал отца и сына. Поскольку Володарь умер в 1125 г., сюжет о взятии «Владаридом» польской крепости Вислицы Головки относит к началу 1120-х гг.⁹⁸ Рассуждения подобного рода представляются весьма сомнительными, прежде всего потому, что сам рассказ магистра Винцентия построен на том, чтобы показать «Владарида», с одной стороны, готовым на любые жертвы для выкупа отца, захваченного в плен коварным польским магнатом Петром Влостовичем, а с другой стороны, безжалостным мстителем за «обиду» отца. Сам тон этого повествования свидетельствует о том, что главным его героем является отнюдь не Володарь Ростиславич, а его деятельный сын. К тому же Головки почему-то оставляет без внимания приводимую польскими хронистами точную дату захвата Вислицы – 8 или 9 февраля 1135 г.

Поражение на р. Шайо не означало конец борьбы Бориса Калмановича за корону св. Иштвана, тем более что его покровитель Болеслав Кривоустый был настроен на войну с Белой II «до победного конца», чтобы отомстить за предательское нападение Иштвана II на Польшу в 1127 г. Судя по всему, Борис находился в Польше, по крайней мере, до 1135 г., пока германский император Лотарь III (1125–1137 гг.) на Мерзебургском рейхстаге не заставил Болеслава официально отказаться от поддержки неудачливого претендента на венгерский престол. Есть большая вероятность пребывания Бориса в Польше до смерти Болеслава III (28 октября 1138 г.). Если это предположение верно, то Борис, скорее всего, перебрался после этого из Кракова в Киев, где проводил в последний путь свою мать Евфимию, умершую 4 апреля 1139 г. В это время киевским князем был уже Всеволод Ольгович (1139–1146 гг.) – лидер черниговской ветви Рюриковичей. Хотя в 1138 г. венгерский король оказал военную помощь тогдашнему киевскому князю Ярополку Владимировичу против Всеволода, последовательно боровшегося с Мономашичами за первенство в общерусских делах, лидер Ольговичей в первые месяцы своего киевского княжения был на-

disszertáció. Szeged, 1979. 63.1; *Eadem*. Faityú volt-e Borisz? // *Interpress magazine*, 1984. N 8. 25.1; *Eadem*. Magyar-orosz politikai kapcsolatok... 56.1. (Фонт М. Указ. соч. С. 91).

⁹⁶ Фонт М. Указ. соч. С. 91.

⁹⁷ Mak F. Magyar külpolitika. 175.1.

⁹⁸ Головки А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев, 1988. С. 68–69.

столько увлечён переделом княжеских столов, что не имел времени на «дело Бориса», тем более что тот был внуком Мономаха⁹⁹.

После похорон матери Борису Калмановичу оставался лишь один путь – возвращение к семье в Византию. В дальнейшем он время от времени напоминает о себе, становясь «картой» в политической игре врагов венгерского короля Гезы II (1141–1162 гг.), но последующие этапы этой борьбы никак не были связаны с Русью. Единственным событием, которое, возможно, свидетельствует о сохранении Борисом каких-то связей с русскими родственниками (или о попытке возобновить эти связи), является возвращение чешского князя Владислава II (1140–1172 гг.) в 1148 г. из II крестового похода через Киев. Есть версия, что он мог вести переговоры с тогдашним киевским князем Изяславом Мстиславичем (1146–1154 гг.) по поводу создания коалиции в пользу Бориса, которого в то время поддерживали также германский король Конрад III (1138–1152 гг.) и австрийский маркграф Генрих II Язомирготт (1141–1177 гг.). Однако прямых сведений источников об этом до нас не дошло.

Таким образом, все попытки внука Владимира Мономаха стать в 1132–1135 гг. венгерским королем провалились. Слишком мало сторонников было у него в Венгрии для того, чтобы лишиться престола Белу II. Несмотря на то что Арпады в годы юности Бориса Калмановича находились во враждебных отношениях почти со всеми соседними государями, признававшими его права на корону св. Иштвана, лишь польский князь Болеслав III Кривоустый оказал ему военную помощь, которая оказалась недостаточной. На Руси после смерти Владимира Мономаха ситуация была настолько сложной, что его преемники с большим трудом справлялись с сохранением внешнего единства русских земель и отражением половецкого натиска. В таких условиях многочисленные дядя непризнанного Калманом сына были не в состоянии помочь ему в борьбе за венгерский престол.

⁹⁹ Подробнее о судьбе Бориса Калмановича после принуждения Болеслава к отказу от его поддержки см.: *Юрасов М.К.* Политика Арпадов по отношению к Руси после провала авантюры Бориса Калмановича // *Средневековая Русь*. Вып. 9. М., 2011. С. 99–108.

Динамика местнических споров в XVI–XVII веках

Юрий Эскин

История местничества, одного из самобытных социальных институтов России XVI–XVII вв., в последние два десятилетия переживает своё возрождение. Это связано с пересмотром исследователями взглядов на изучение социальных взаимоотношений и групп и с тенденцией к применению методов исторической антропологии, поскольку местничество даёт богатый материал для исследования ментальности. Вышел цикл работ К.В. Петрова об источниковедческих и историко-юридических аспектах исследования местничества¹, появились ис-

© 2013 г. Ю.М. Эскин.

¹ *Петров К.В.* Осознание родовой общности феодальной аристократией России в конце XVI в. // Материалы 29-й Всесоюзной научной конференции «Студент и научно-технический